

Научная статья
УДК 902
doi: 10.17223/15617793/476/4

К вопросу о вариативности положения рук усопших в русской православной погребальной традиции

Евгений Петрович Загваздин¹

¹ Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук,
Тобольск, Россия, kulay_arx@mail.ru

Аннотация. Проанализирован один из элементов православного погребального обряда – положение рук покойного. На основе материалов раскопок кладбища XVII в., перекрытого Софийско-Успенским собором (г. Тобольск), рассмотрены закономерности в положении рук усопших с использованием половозрастных определений. Проанализированы 38 погребений, располагавшихся в западной части собора и за его пределами – под фундаментом паперти.

Ключевые слова: Тобольск, Софийско-Успенский собор, погребальный обряд, положение рук, половозрастные определения, XVII в.

Для цитирования: Загваздин Е.П. К вопросу о вариативности положения рук усопших в русской православной погребальной традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 39–46. doi: 10.17223/15617793/476/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/476/4

On the variations of the deceased's arm position in the Russian Orthodox burial custom

Evgeniy P. Zagvazdin¹

¹Tobolsk Complex Scientific Station, UB RAS,
Tobolsk, Russian Federation, kulay_arx@mail.ru

Abstract. In this article, I aim to conduct a comparative analysis of the deceased's arm positions (taking gender and age specifications into account) and define their distinct features. The burials examined are located in the Dormition Cathedral of St. Sophia, Tobolsk, and dated to the 17th century. The relevance of this study relies on examining one of the most important elements of the Orthodox funeral rites, the deceased's arm position, while simultaneously regarding age and gender specifications of funeral rites. The earlier studies researched these subjects separately. In order to define the region-specific features of the arm position variations, the frequency of their occurrences is also compared against the published data regarding other Christian burial sites in Northwest Russia, the Cis-Ural region, and Western Siberia, dated to the 16th–19th centuries. The research material comes from the excavations conducted by A. Adamov in 2005 at the cemetery grounds overlapped by the Dormition Cathedral of St. Sophia, Tobolsk (1683–1686). For the analysis, I selected 38 burials located in the western part of the cathedral grounds and outside them, under the parvis foundation. The skeletons' good preservation with the original position of bones intact enabled me to select such a number of burials for the analysis. All the burials analyzed had age and gender specifications. In order to organize different arm position variations into groups, I opted for a vertical division of the human body as per the principles of topographical anatomy. Three arm position groups were distinguished: arms on the abdomen or below the chest, arms crossed on the chest at the heart area, and a mixed position (the abdomen – the middle/upper part of the chest, the shoulder). By conducting a comparative age and gender analysis of arm positions discovered at the Dormition Cathedral's cemetery, I found that arms positioned on the abdomen and parallel to each other was the typical position for children. Arm positions among adults offered more variety. I should note that the position with arms crossed on the chest was typical for some of the male burials but did not occur in female burials. The positions from the other two groups occurred with similar frequency for both genders, taking into account the 2:1 male to female burial ratio in this cemetery. The comparison of arm position groups and variations in the burials at the Dormition Cemetery against the data from other burial sites dated to roughly the same time period and located in Northwest Russia, the Cis-Ural region, and Western Siberia, did not enable me to define any distinct region-specific features. In general, the frequency of the occurring arm position variations fluctuates considerably in different regions. It is evident that the positions with arms across the abdomen, below the waist, and on the chest are by far the most common ones. The mixed position occurs the least often.

Keywords: Tobolsk, Dormition Cathedral of St. Sophia, burial custom, arm position, gender and age specification, 17th century

For citation: Zagvazdin, E.P. (2022) On the variations of the deceased's arm position in the Russian Orthodox burial custom. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 39–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/4

Введение

Одним из важных элементов погребального обряда, который связывают с христианством, становится сам умерший, а вернее положение его тела при погребении. Этот признак обряда как характерную черту этно-религиозной идентичности в начале XX в. удачно подметил антрополог С.М. Чугунов, общавшийся с любопытными горожанами при изучении старинных кладбищ Томска: «Ввиду того, что с понятием о народности тесно связан определённый круг бытовых привычек и религиозных представлений, сопровождающих человека с колыбели до могилы, та же толпа желает знать, каково было положение скелета» [1. С. 1, 2]. Здесь С.М. Чугунов под положением скелета имел ввиду ряд черт, идентифицирующие захоронения по религиозному признаку (языческие, мусульманские, православные). Одним из таких признаков, указывающих на православную веру усопшего, являются скрещенные на груди руки [1. С. 1].

Казалось бы, крестообразное положение рук при погребении и его смысловое содержание определены и регламентированы каноном русской православной церкви: «Во гробе умерший полагается лицом горе, устремленным к небу, с глазами закрытыми и с устами сомкнутыми по подобию спящего и умолкшего, с руками, сложенными на персях крестообразно, во свидетельство веры в Распятого» [2. С. 1291]. Отличие в положении на груди рук мирянина от архиерея заключается лишь в том, что в правую руку последнего помещается крест, а на грудь кладется Евангелие [2. С. 1290].

Каноничность крестообразного расположения рук на груди покойного в Московии отмечает Петр Петрей в начале XVII в., описывая обряд обряжения покойного [3. С. 454–455]. Эту стандартная диспозиция рук покойного в последующем фиксируется многочисленными этнографическими примерами [4. С. 88; 5. С. 348].

Однако существовало не каноническое положение рук, зафиксированное в XVI–XVII вв. иностранцами в Московском государстве. В 1580-е гг. Джильс Флетчер отметил, что в руки покойнику вкладывают письмо к святому Николаю [6. С. 185]. Позже, в 1660-х гг., его наблюдение подтвердил Август Майерберг [6. С. 185]. Несомненно, что этот обычай возник намного раньше, в XI в., когда фиксируется возникновение обычая, утвержденного затем в православии, вкладывать в руку умершего список с текстом – «пропуск» на «тот свет» с молитвой Феодосию Печерскому [7. С. 268].

Отражена традиция положения в руки покойного сопроводительного письма и в современности, в частности, в среде старообрядцев Сибири [8. С. 388; 9. С. 209]. Некоторые конфессиональные отличия в положении рук в погребении у старообрядцев Сибири зафиксированы П.Е. Бардиной, отметившей, что руки умершему укладывали под грудью согнутыми в локтях, а

пальцы складывали «крестиками по бокам» – по два пальца сверху на предплечье другой руки, как для крещения двоеперстием, а правая рука располагалась сверху [8. С. 388]. Обычным атрибутом при погребении старообрядцев была лестовка (разновидность чётков).

Таким образом, письменные и этнографические свидетельства, описывающие варианты положения рук покойного, немногословны и указывают следующие варианты: крестообразно на груди и с вкладыванием в руку покойного сопроводительного письма.

Совершенно иную картину положения рук в православных захоронениях демонстрируют материалы могильников, изученных археологически. Особенно заметна эта динамика, если проводить сравнение в ретроспективе. Так, изучение погребений курганного могильника на Старорязанском городище, относящегося к середине XI – середине XII вв. показало отсутствие строгой регламентации в расположении рук (на груди) как в ранних, так и в позднейших частях некрополя. По мнению В.П. Даркевича и Г.В. Борисевича, это связано с начальным периодом перехода к обычаю складывать руки, когда на грудь или живот клали только одну руку [10. С. 363].

Схожая картина в положениях рук погребенных отмечена Н.А. Макаровым в материалах могильника Нефедьево (первая половина XI–XIII вв.), частично синхронного могильнику на Старорязанском городище. В этом могильнике положение рук вдоль тела отмечено в 23 из 69 случаев. По мнению автора, положение костяков мало изменилось за всё время функционирования могильника [11. С. 113].

Увеличение вариативности положения рук стабильно фиксируется с XIV в. Это явление исследователями объясняется по-разному. По мнению А.С. Лапшина, исследовавшего могильник Водянского городища XIV в., это не является примером изменений или нововведений в обряде русского населения. Он предположил, что руки в погребения намеренно положены в определенную позу. Косвенным основанием для такого вывода стали миниатюры Лицевого свода XVI в., иллюстрирующие разное положение рук погребенных [12. С. 30–31].

По материалам могильников Вятского края X–XV и XVI–XIX вв. Л.Д. Макаров отметил, что наиболее часто руки сгибались в локтях, а кисти рук складывались у таза. Несколько реже фиксировалось положение левой руки вдоль тела, а кисти правой у таза либо на груди. По его мнению, отмеченные положения рук являются переходными к православным. Положение же рук вдоль туловища характерно для языческой традиции, встречается нечасто. Однако он отмечает, что не удастся как-то внятно объяснить различия в положении рук умерших. Ясно только то, что расположение предплечий в области грудной клетки более свойственно поздним погребениям [13. С. 229].

Г.Х. Самигулов, исследовавший челябинское кладбище 1730–1770-х гг., полагает, что положение

рук связано с внутриконфессиональными течениями – официальному российскому православию и старообрядчеству. Он не исключил вариант региональных обрядовых особенностей, сложившихся до переселения их носителей на Урал [14. С. 135].

Л.В. Татаурова по материалам могильник Изюк-1 (XVII–XIX вв.) в Омском Прииртышье, напротив, пришла к выводу, что положение на груди или животе более унифицировано и характеризует сложившийся погребальный обряд [15. С. 97–99].

Нейтральной позиции придерживается И.М. Бердников, изучавший иркутские православные некрополи XVIII–XIX вв. Им сделаны наблюдения, говорящие о том, что преобладающим положением являются скрещенные на груди руки, а уложенные на пояс встречаются, но меньше. Однако каких-либо закономерностей в различном расположении рук исследователем не выявлено [16. С. 114–115].

В целом археологические источники от Средневековья к Новому времени показывают изменения в положении рук покойного и являются одним из характерных маркеров, определяющих православный обряд. Трансформация в положении верхних конечностей при погребении шла от их положения вдоль тела, что единодушно трактуется как элемент язычества, до расположенных на теле в различных комбинациях в более позднее время, что определяется исследователями как признак сложившегося православного погребального обряда, либо наоборот, конфессиональную дифференциацию с элементами региональных обрядовых особенностей. К сожалению, материалы этнографических исследований, которые могли бы дать разъяснения на этот счёт, достаточно скупы не только в описании, но и в интерпретации. Порой же вопрос о положении рук покойного этнографами вообще не затрагивался.

Для решения ряда проблем, связанных с интерпретацией положений рук в православном погребальном обряде, нами также были привлечены половозрастные определения по захоронениям в Софийско-Успенском соборе (1683–1686 гг.) г. Тобольска. В свою очередь эти определения были сопоставлены с вариантами положений рук по этому могильнику для выяснения локальных особенностей в обряде. Эта информация сравнивалась с опубликованными данными по православным могильникам XVI–XIX вв. Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири, но уже для выявления региональных особенностей этого элемента погребального обряда.

Материалы и методы

Впервые остатки захоронений близ Софийско-Успенского собора выявлены в 2003 г. археологическими исследованиями А.А. Адамова. По внешнему периметру собора для изучения состояния его фундаментов заложено восемь шурфов, в двух из которых обнаружены остатки погребений. В шурфе 7, заложенном с южной стороны Софийско-Успенского собора, обнаружены две ранние, вытянутые в плане,

могильные ямы, расположенные параллельно друг другу и стене храма [17].

Исследований кладбища было продолжено в 2005 г. из-за начавшихся работ по сооружению крипты в западной части Софийско-Успенского собора. В этом же году на месте нового строительства паперти, демонтированной в 1961 г., проводились дополнительные раскопки, выявившие под её фундаментом православные захоронения. В общей сложности, в 2005 г. широкомасштабными археологическими раскопками было изучено 73 погребения, совершенных по христианскому обряду [17; 18. С. 26, 29, 65].

Итоги исследований кладбища при Софийско-Успенском соборе подведены в 2008 г. в коллективной монографии «Город Тобольск. Археологический очерк». Авторами дана обобщающая характеристика погребальной обрядности населения Тобольска в XVI–XVIII вв. [18. С. 64–65]. По материалам раскопок кладбища были рассмотрены отдельные черты погребального обряда тоболяков в XVII в. [19].

В последние годы антропологическая база данных кладбища при Софийско-Успенском соборе используется И.Г. Ширококовым в исследованиях по палеодемографии России [20]. В 2020 г. вышла коллективная монография «Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.)» [21]. И.В. Балюновым материалы раскопок использованы в качестве иллюстрации к истории Спасской церкви и Софийско-Успенского собора.

В целом после 2008 г. принципиально новых сведений, связанных с изучением погребального обряда кладбища, открытого в Софийско-Успенском соборе, не появилось.

Для сравнительного анализа по этому кладбищу использованы половозрастные определения, проведенные антропологом ИПОС А.Л. Антоновым¹. Отметим, что помимо хорошо сохранившихся индивидуальных захоронений, на пространстве погребального поля выявлено немало костных останков, полностью разрушенных в ходе строительства Софийско-Успенского собора и при сооружении кирпичных склепов церковных иерархов в позднее время. С учётом разрозненных останков, количество захоронений составляет более 110. Из них для 92 индивидуумов проведены надежные половозрастные определения (45 мужчин, 21 женщина, 26 детей).

Для анализа взяты лишь 38 индивидуальных погребений, располагавшихся в западной части Софийско-Успенского собора и за его пределами – под фундаментом паперти, что составляет 57,5% от общего числа изученных захоронений, кроме четырех более поздних захоронений, находившихся за алтарной частью. Выбор такого количества захоронений продиктован их хорошей сохранностью, при которой положение костей верхних конечностей не нарушено. Все рассмотренные погребения снабжены половозрастными определениями.

Для группировки разнообразных вариантов положения рук использовано вертикальное деление человеческого тела согласно принципам топографической анатомии [22. С. 129]. Согласно топографической ана-

томии груди, нижняя граница грудной клетки проходит от основания мечевидного отростка по краю реберной дуги до X ребра. Проблема заключается в том, что нижняя граница грудной клетки не соответствует границам грудной полости, так как ряд органов брюшной полости расположен в правом и левом подреберьях. Поэтому при описании расположения рук покойных, находящихся выше мечевидного отростка грудины, будут считаться расположенными на груди, а ниже него – на животе. Частота того или иного признака расположения рук отражена в форме иконографии (табл. 1, 2). Общая группировка признаков проведена согласно горизонтальному (лево–середина–право) и вертикальному (верх–низ) принципам деления тела.

Сравнения положения рук на Софийско-Успенском кладбище с другими территориями России проводилось по ряду опубликованных материалов могильников, частично синхронных Софийско-Успенскому кладбищу: кладбище городища Воронич в Псковской области (XVII–XVIII вв.); сводная информация по могильникам Вятского края (XVI–XIX вв.); кладбище г. Сарапул в Удмуртии (XVII–XIX вв.); могильник Изюк-1 в Омском Прииртышье (XVII–XIX вв.). Сопоставление пола и возраста покойных и вариаций положений рук по данным кладбищам не проводилось либо из-за отсутствия определений, либо их неполноты.

Таблица 1

Положение рук покойных. Тип 1

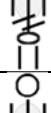
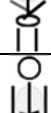
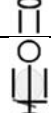
Вариант		♂										♀					Д			
		18-20	20-25	25-30	30-35	35-40	40-45	45-50	45-55	ок. 60	18-20	25-30	30-35	45-50	50-60	2-3	3-4	10-11	12-15	
1.1		-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
1.2		-	-	-	1	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	1	-	-	
1.3		-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	
1.4		-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	
1.5		-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1.6		-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
1.7		-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
1.8		1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1.9		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
1.10		-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Итого:		12										6					4			

Таблица 2

Положение рук покойных. Типы 2 и 3

Тип 2	Вариант		♂					Тип 3	Вариант		♂				♀			Вариант		♂			♀
			20-25	25-30	40-45	55-60	60-70				18-20	30-35	40-45	50-60	15-18	18-20	20-25			30-35	40-45	ок. 60	20-25
	2.1		1	-	1	1	1		3.1		-	1	-	1	-	-	-	3.4		1	1	-	1
2.2		-	1	-	-	-	-	3.2		-	-	-	-	-	1	-	3.5		-	-	1	-	
										3.3		1	-	1	-	1			-	1			
Итого:		5							7							4							

Результаты и обсуждение

При анализе погребений в Софийско-Успенском соборе Тобольска зафиксировано 17 вариантов положений рук (см. табл. 1, 2). При объединении этих вариантов выделено три группы: на животе; на груди в области сердца; комбинированная группа (живот – средняя, верхняя части груди, плечо). Половозрастное сопоставление положения рук показало, что для детей характерно расположение рук на животе параллельно друг другу. Для взрослых погребений, наоборот, преобладает большее разнообразие в положении рук.

Если проводить статистику по группам, то наиболее часто частый вариант – это положение рук на животе. Зафиксирован в 57,9% случаев. На втором месте – комбинированный тип (28,9%), а на последнем – на груди в области сердца (13,2%).

Интересно сопоставить варианты положения рук с некоторыми женскими погребениями с сохранившимися прическами. В погребении 12 (вариант 1.3), принадлежащем престарелой женщине 50–60 лет, сохранилась причёска – две косы, уложенные вокруг головы. Идентичные причёски встречены в погребении 16 (вариант 3.4) молодой женщины 15–18 лет, а также в погребении 19 (вариант 1.8), принадлежащей женщине зрелого возраста 30–35 лет. По этнографическим сведениям, женская причёска, оформленная подобным видом, была признаком замужней женщины [23. С. 128]. В данных примерах не обнаружено четкой закономерности между семейным статусом женщины и положением её рук из-за небольшой выборки.

Отмечено, что для мужчин свойственна крестообразная позиция рук на груди в области сердца (табл. 2). По остальным группам положение рук примерно одинаково для обоих полов в соответствии с пропорцией мужских и женских захоронений на Софийско-Успенском кладбище, в отношении 2 : 1.

Проведено сравнения с опубликованными материалами могильников XVI–XIX вв. с европейской части России, Вятского края, Удмуртии, Западной Сибири для выяснения территориальных особенностей. Достаточно полно опубликованные материалы обширных раскопок кладбища XVII–XVIII вв. на городище Воронич (Псковская область) позволили более детально провести сопоставление [24]². С Софийско-Успенским кладбищем по трем группам его сближает: положение рук на животе – 69,56%/50%; комбинированно – 20%/15,8%. Как и в Тобольске, наименее распространен тип положения рук на грудь, в области сердца. Этот вариант положения рук покойного в материалах городища Воронич единичен и встречается менее чем в 2% случаев. Более детальный анализ показывает ряд отличительных особенностей положения рук в погребениях могильника городища Воронич от Софийско-Успенского кладбища. К примеру, на Софийско-Успенском кладбище часто встречается расположение рук на животе, когда одна рука лежит поперек, а другая под небольшим углом направлена вверх (13,15%). В могильнике городища Воронич этот вариант единичен (тип 1.8). Однако для него характерен немного другой вариант положения рук, близкий тому, который наблюдается в обряде Софийско-Успенского кладбища. Он заключается в том, что одна рука лежит поперек живота, а другая рука направлена от локтя не вверх, а вниз (16,6%). На Софийско-Успенском кладбище такой вариант единичен (вариант 1.7).

Для Софийско-Успенского кладбища положение рук в область таза единично (вариант 1.6), в то время как в материалах могильника городища Воронича этот признак встречается относительно часто, в 15,23% случаев. Остальные варианты: руки у плеч; правая рука на груди, а левая в районе таза – единичны, а в материалах Софийско-Успенского кладбища

не выявлены. Встречены захоронения, когда одна рука вытянута вдоль тела, а другая лежит поперек живота или на груди, в области сердца (5,4%). В Тобольске такие варианты положения рук отсутствуют.

Л.Д. Макаров представил статистику по 16 вариантам положений рук покойных на материалах погребальных памятникам XII–XV и XVI–XIX вв. Вятского края. Сопоставление его данных по XVI–XIX вв. [13. С. 209] с материалами по Софийско-Успенскому кладбищу показало, что для Вятского края характерно положение рук в области пояса – 23,9%. По тобольским материалам этот признак является наиболее распространенным и присутствует в 36,8% случаев. На втором месте в захоронениях Вятского края – расположение рук в области таза – 21,2%, однако в материалах Софийско-Успенского кладбища это единичный случай (2,6%). По Л.Д. Макарову, в 9,7% захоронений встречается положение правой руки на поясе, а левой – на груди. Идентичное положение рук в тобольских материалах невелико и прослежено в трех погребениях (7,89%). В то же время на Софийско-Успенском кладбище отсутствуют захоронения с руками, вытянутыми вдоль тела, тогда как в могильниках Вятского края они присутствуют в 11,5% случаев. К сожалению, автором не указывается какова доля захоронений этого времени с руками скрещенными на груди.

Сопоставление с материалами кладбища XVII–XVIII вв. в г. Сарапул показало, что для него характерна значительная доля погребений со скрещенными на груди, а не на животе руками (52,06%) [25]³. Для Софийско-Успенского кладбища отмеченный вариант имеет место быть, однако он не идентичен представленному в материалах Сарапульского могильника (рис. 1), так как в тобольских материалах кисти рук покойных лежат друг на друге, а предплечья не пересекаются (13,15%). На втором месте в Сарапуле – захоронения с руками на животе параллельно друг другу (14,94%), а в Тобольске, наоборот, на первом (36,8%). В материалах Софийско-Успенского кладбища не встречены расположения рук вдоль тела, а также вариант, когда одна рука лежит на животе, а другая вытянута вдоль тела.

В целом сопоставление материалов с Софийско-Успенского кладбища с рядом кладбищ и могильников XVI–XIX вв. Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири показывает высокую вариативность в положении рук покойных. Однако полной идентичности между ними нет. Для всех могильников характерен вариант положения рук на животе, параллельно друг другу. Он колеблется в интервале от 14,94 до 36,8%. Для Софийско-Успенского кладбища, могильников Вятского края и могильника городища Воронич частота этого признака на первом месте, а для могильника г. Сарапул и, возможно, могильника Изюк-1 – на втором. В то же время для Тобольска, могильников Вятского края и могильника на городище Воронич нехарактерно расположение рук скрещенно на груди, тогда как для кладбища г. Сарапул и могильника Изюк-1 это достаточно частое явление. Частота этого признака колеблется от 13,5 до 52,06%.

На рассматриваемых памятниках, кроме Софийско-Успенского кладбища, отмечены в незначительном ко-

личестве погребения, у которых обе руки вытянуты вдоль тела либо одна рука лежит на животе/груди, а другая – вдоль. Также различны показатели, касающиеся положения рук внизу живота (вариант 1.6). Так, в материалах кладбища городища Воронич и могильников Вятского края этот вариант встречается достаточно часто – 13,9%/21,2%, тогда как Софийско-Успенском кладбище это единственный случай. Редко он встречается и в Сарапульском могильнике, в 5,67% случаев.

Таким образом, в проанализируемых нами материалах не выявлена четкая региональная особенность в положении рук покойных. Вариации разнятся даже в достаточно близких друг другу регионах: Вятском крае и Удмуртии. В целом наблюдается картина, когда комбинации тех или иных вариантов положений рук по разным регионам достаточно сильно колеблются. Половозрастное сопоставление тобольских материалов показал, к примеру, что тип 2 (крестообразно сложенные руки в области сердца) характерен для мужчин. Тогда как по остальным типам соотношения в положении рук примерно одинаковые.

Заключение

Проведенный анализ, связанный с положением рук покойных на Софийско-Успенском кладбище XVII в., показал, что наиболее часто встречается группа с положением рук на животе, далее комбинированная группа (живот – средняя, верхняя части груди, плечо), а меньше всего – положение рук крестообразно на груди в области сердца. Половозрастное сопоставление показало, что для детей характерно расположение рук на животе параллельно друг другу. Для взрослых погребений, наоборот, свойственно большее разнообразие в положении рук. При этом отмечено, что лишь в мужских погребениях встречена позиция рук крестообразно в области сердца. По остальным группам положение рук для обоих полов примерно одинаково в соответствии с пропорцией мужских и женских захоронений – 2 : 1.

Сопоставление групп и вариантов положений рук покойных Софийско-Успенского кладбища с другими частично синхронными погребальными памятниками Северо-Западной России, Приуралья, Западной Сибири не выявило четкой региональной специфики. В целом наблюдается картина, когда частоты вариантов положений рук по разным регионам достаточно сильно колеблются. Несомненно то, что чаще всего встречается положение рук поперек живота, внизу живота, а также на груди. Комбинированный тип представлен меньше всего. Отмечено, что в материалах Софийско-Успенского кладбища отсутствуют погребения с вытянутыми вдоль тела обоими руками или одной из них. Это можно объяснить небольшой выборкой сохранившихся захоронений. Данные по другим рассмотренным могильникам показывают, что этот признак присутствует редко.

Проведенный анализ не дает всестороннего ответа на вопрос, который ставил перед собой ряд исследователей, а именно чем объясняются высокая вариативность в положении рук умерших. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что позиции рук покойных имеют достаточно четкие параллели в памятниках канонического

иконописания. Таким образом, символизм и их смысловое содержание позиций рук покойных также могут быть рассмотрены и интерпретированы с точки зрения православных иконописных канонов [26].

Примечания

¹ URL: <http://ipos-tmn.ru/wp-content/uploads/2016/04/инвентарная-книга-2020.pdf>

² Статистика проведена нами по 115 погребениям (чертежи, фотографии, описания) из 278, в которых прослеживается положение верхних конечностей.

³ Приведенные Д.А. Калугиной в таблице частоты положений рук ошибочны. Проведен пересчет соотношений признаков для 194 погребений, отмеченных в таблице.

Список источников

1. Чугунов С.М. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. Ч. 1. Томск : Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. 264 с.
2. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. 3-е изд. Киев : Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1913. 1772 с.
3. Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии. М. : Фонд Сергея Дубова. Рита-Принт, 1997. С. 151–464.
4. Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. III. 134 с.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М. : Наука, 1991. 511 с.
6. Бочкарев Н.В. Московское государство XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. М. : Изд-во «Крафт+», 2000. 248 с.
7. Мильков В.В., Пилугина Н.Б. Христианство и язычество: проблема двоеверия // Введение христианства на Руси. М. : Мысль, 1987. С. 263–273.
8. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 475 с.
9. Матюшенко В.С. Похоронно-поминальная обрядность у старообрядцев Белокриницкой иерархии в Амурской области // Традиционная культура. М., 2016. № 4 (64). С. 79–85.
10. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М. : Кругъ, 1995. 448 с.
11. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 386 с.
12. Лапшин А.С. Погребальный обряд русского (христианского) населения Водянского городища XIV в. // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов. Волгоград : Бланк, 2018. С. 29–33.
13. Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма, 2003. С. 192–232.
14. Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во Омск. пед. ун-та, 2002. С. 133–137.
15. Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. Омск : Изд-во «Апельсин», 2010. 284 с.
16. Бердников И.М. Сибирский православный некрополь XVIII–XIX веков как археологический источник (по материалам исследований в Иркутске) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2012. 300 с.
17. Адамов А.А. Отчёт о проведении археологических исследований по изучению фундаментов Софийско-Успенского собора и колокольни : в 2 т. Тобольск, 2003 // НА ТХНС УрО РАН. № 13, № 14.
18. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
19. Загваздин Е.П. Об одной черте погребального обряда тоболяков в XVII в. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы IX Всероссийской научной конференции молодых историков. Тобольск : Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2008. Ч. 1. С. 24–26.
20. Ширококов И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII–XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 180–196.
21. Очерки истории Тобольской епархии (XVII–XX вв.). Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2020. 248 с.
22. Оперативная хирургия и топографическая анатомия / под ред. В.В. Кованова. 4-е изд., доп. М. : Медицина, 2001. 408 с.
23. Степанова Ю.В. Женские прически на Руси в XI–XVIII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск : ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 128–130.
24. Белецкий С.В. Сельское кладбище конца XVII – середины XVIII вв. на городище Воронич // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2005–2009. № 5. С. 84–163.
25. Калугина Д.А. Исследование Сарапульского могильника XVII–XVIII веков в г. Сарапул Удмуртской республики // LI Уралов-Поволжская археологическая студенческая. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019. С. 198–199.
26. Лосский В.Н., Успенский Л.А. Смысл икон. М. : Эксмо, 2014. 336 с.

References

1. Chugunov, S.M. (1905) *Antropologicheskiy sostav naseleniya goroda Tomska po dannym pyati starinnykh pravoslavnykh kladbishch* [Anthropological Composition of the Population of the City of Tomsk According to Five Ancient Orthodox Cemeteries]. Part 1. Tomsk: Parovaya tipografiya N.I. Orlovoy.
2. Bulgakov, S.V. (1913) *Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-tserkovnoslužhiteley* [A Handbook for the Clergy]. 3rd ed. Kiev: Tipografiya Kievsko-Pecherskoy Uspenskoy Lavry.
3. Petreius, P. (1997) *Istoriya o velikom knyazhestve Moskovskom* [The story of the Grand Duchy of Moscow]. In: Massa, I. & Petreius, P. *O nachale voyin i smut v Moskovii* [On the Beginning of Wars and Troubles in Muscovy]. Moscow: Fond Sergeya Dubova. Rita-Print. pp. 151–464.
4. Tereshchenko, A.V. (1848) *Byt russkogo naroda* [The Daily Life of the Russian people]. Part 3. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del.
5. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavianskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka.
6. Bochkarev, N.V. (2000) *Moskovskoe gosudarstvo XV–XVII vv. po skazaniyam sovremennikov-inostrantsev* [The Moscow State of the 15th–17th Centuries According to Foreign Contemporaries]. Moscow: Izd-vo “Kraft+”.
7. Mil'kov, V.V. & Pilyugina, N.B. (1987) *Khristianstvo i yazychestvo: problema dvoeveriya* [Christianity and paganism: the problem of duality]. In: Sukhov, A.D. (ed.) *Vvedenie khristianstva na Rusi* [Introduction of Christianity in Russia]. Moscow: Mysl'. pp. 263–273.
8. Lukina, N.V. (ed.) (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia].

Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

9. Matyushchenko, V.S. (2016) The funeral rites of old believers of Belokrinit'skaya hierarchy in Amur river's basin. *Traditsionnaya kul'tura – Traditional Culture*. 4 (64). pp. 79–85. (In Russian).
10. Darkevich, V.P. & Borisevich, G.V. (1995) *Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli: XI–XIII vv.* [The Ancient Capital of the Ryazan Land: 11th–13th centuries]. Moscow: Krug".
11. Makarov, N.A. (1997) *Kolonizatsiya severnykh okrain Drevney Rusi v XI–XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov na volokakh Beloz'er'ya i Poonezh'ya* [Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Russia in the 11th–13th Centuries. Based on the materials of archaeological monuments on the volokas of Belozerye and Poonezhye]. Moscow: Nauchno-izdatel'skiy tsent "Skriptoriy".
12. Lapshin, A.S. (2018) Pogrebal'nyy obryad russkogo (khristianskogo) naseleniya Vodyanskogo gorodishcha XIV v. [Funeral rite of the Russian (Christian) population of the Vodyansk settlement of the 14th century]. In: Bolotova, E.Yu. (ed.) *Nizhnee Povolzh'e i Volgo-Donskoe mezhdurech'e na perekrestke tsivilizatsiy, kul'tur, istoricheskikh al'ternativ i prirodnnykh landshaftov* [Lower Volga and Volga-Don Interfluvium at the Crossroads of Civilizations, Cultures, Historical Alternatives and Natural Landscapes]. Volgograd: Blank. pp. 29–33.
13. Makarov, L.D. (2003) Pogrebal'nyy obryad slavyano-russkogo naseleniya Vyatskogo kraya [Funeral rite of the Slavic-Russian population of the Vyatka region]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological Complexes: Problems of culture and society]. Vol. 6. Novosibirsk: Nauka; Sibirskaya izdatel'skaya firma. pp. 192–232.
14. Samigulov, G.Kh. (2002) Pervoe chelyabinskoe kladbishche (po itogam arkheologicheskikh rassledovaniy) [The first Chelyabinsk cemetery (based on the results of archaeological excavations)]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 133–137.
15. Tataurova, L.V. (2010) *Pogrebal'nyy obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk-I* [Funeral Rite of the Russians of the Middle Irtysh Region of the 17th–19th centuries. Based on the materials of the Izyuk-I complex]. Omsk: Izd-vo "Apel'sin".
16. Berdnikov, I.M. (2012) *Sibirskiy pravoslavnyy nekropol' XVIII–XIX vekov kak arkheologicheskii istochnik (po materialam issledovaniy v Irkutsk)* [Siberian Orthodox Necropolis of the 18th–19th centuries as an archaeological source (based on research materials in Irkutsk)]. History Cand. Diss. Irkutsk.
17. Adamov, A.A. (2003) *Otchet o provedenii arkheologicheskikh issledovaniy po izucheniyu fundamentov Sofiysko-Uspenskogo sobora i kolokol'ni* [Report on the Conduct of Archaeological Research on the Study of the Foundations of the St. Sophia Assumption Cathedral and Bell Tower]. Vols 1–2. Tobol'sk: NA TKNS UrB RAS.
18. Adamov, A.A., Balyunov, I.V. & Danilov, P.G. (2008) *Gorod Tobol'sk. Arkheologicheskii ocherk* [The city of Tobolsk. Archaeological essay]. Tobol'sk: IAET SB RAS.
19. Zagvazdin, E.P. (2008) [About one feature of the funeral rite of the Tobolyaks in the 17th century]. *Dialog kul'tur i tsivilizatsiy* [Dialogue of Cultures and Civilizations]. Proceedings of the 9th All-Russian Conference for Young Historians. Pt. 1. Tobolsk. 14–15 March 2008. Tobolsk: D.I. Mendeleev Tobolsk Pedagogical Institute. pp. 24–26. (In Russian).
20. Shirobokov, I.G. (2019) Age distribution of deaths in Russia in the 17th to the 19th centuries: misleading paleodemography. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 180–196. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/26/9
21. Belous, P.V. & Konev, A.Yu. (2020) *Ocherki istorii Tobol'skoy eparkhii (XVII–XX vv.)* [Essays on the History of the Tobolsk Diocese (17th–20th Centuries)]. Tyumen: Tyumen State University.
22. Kovanov, V.V. (ed.) (2001) *Operativnaya khirurgiya i topograficheskaya anatomiya* [Operative Surgery and Topographic Anatomy]. 4th ed. Moscow: Meditsina.
23. Stepanova, Yu.V. (2013) Zhenskies pricheski na Rusi v XI–XVIII vv. [Women's hairstyles in Russia in the 11th–18th centuries]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. pp. 128–130.
24. Beletskiy, S.V. (2009) A village cemetery of late 17th – middle 18th on town of Voronich. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya – Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. 5. pp. 84–163. (In Russian).
25. Kalugina, D.A. (2019) [The study of the Sarapul burial ground of the 17th–18th centuries in Sarapul, Udmurt Republic]. *LI Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya studencheskaya konferentsiya* [51st Ural-Volga Archaeological Student Conference]. Proceedings of the All-Russian Conference. Kurgan. 5–8 February 2019. Kurgan: Kurgan State University. pp. 198–199. (In Russian).
26. Losskiy, V.N. & Uspenskiy, L.A. (2014) *Smysl ikon* [The Meaning of Icons]. Moscow: Eksmo.

Информация об авторе:

Загваздин Е.П. – младший научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук (г. Тобольск, Россия). E-mail: kulay_arx@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.P. Zagvazdin, junior researcher, Tobolsk Complex Scientific Station, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russian Federation). E-mail: kulay_arx@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021;
одобрена после рецензирования 14.09.2021; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 14.05.2021;
approved after reviewing 14.09.2021; accepted for publication 28.03.2022.